

Всероссийская олимпиада школьников по литературе.

2018-2019 уч. год

Муниципальный этап.

11 класс.

Время проведения тура – 3 часа 55 минут.

ЗАДАНИЕ 1. СДЕЛАЙТЕ ОДНО ИЗ ПРЕДЛОЖЕННЫХ ЗАДАНИЙ

1.1. Прочитайте рассказ В.П. Аксенова «Победа». Дайте целостный анализ рассказа с учетом проблемного вопроса: какую роль в рассказе играют социокультурные отсылки и интертекстуальность? (Примерный рекомендуемый объем – 400 слов). Максимальный балл - 70.

В купе скорого поезда гроссмейстер играл в шахматы со случайным спутником.

Этот человек сразу узнал гроссмейстера, когда тот вошёл в купе, и сразу загорелся невыносимым желанием невыносимой победы над гроссмейстером. «Мало ли что, — думал он, бросая на гроссмейстера лукавые узнающие взгляды, — мало ли что, подумаешь, хилак какой-то».

Гроссмейстер сразу понял, что его узнали, и с тоской смирился: двух партий по крайней мере не избежать. Он тоже сразу узнал тип этого человека. Порой из окон Шахматного клуба на Гоголевском бульваре он видел розовые крутые лбы таких людей.

Когда поезд тронулся, спутник гроссмейстера с наивной хитростью потянулся и равнодушно спросил:

— В шахматишки, что ли, сыграем, товарищ?

— Да, пожалуй, — пробормотал гроссмейстер. Спутник высунулся из купе, кликнул проводницу, появились шахматы, он схватил их слишком поспешно для своего равнодушия, высыпал, взял две пешки, зажал их в кулаки и кулаки показал гроссмейстеру. На выпуклости между большим и указательным пальцами левого кулака татуировкой было обозначено: «Г.О.»

— Левая, — сказал гроссмейстер и чуть поморщился, вообразив удары этих кулаков, левого или правого.

Ему достались белые.

— Время-то надо убить, правда? В дороге шахматы — милое дело, — добродушно приговаривал Г.О., расставляя фигуры.

Они быстро разыграли северный гамбит, потом все запуталось. Гроссмейстер внимательно глядел на доску, делая мелкие, незначительные ходы. Несколько раз перед его глазами молниями возникали возможные матовые трассы ферзя, но он гасил эти вспышки, чуть опуская веки и подчиняясь слабо гудящей внутри, занудливой, жалостливой ноте, похожей на жужжание комара.

— «Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя...» — на той же ноте тянул Г.О.

Гроссмейстер был воплощённая аккуратность, воплощённая строгость одежды и манер, столь свойственная людям, неуверенным в себе и легкоранимым. Он был молод, одет в серый костюм, светлую рубашку и простой галстук. Никто, кроме самого гроссмейстера, не знал, что его простые галстуки помечены фирменным знаком «Дом Диора». Эта маленькая тайна всегда как-то согревала и утешала молодого и молчаливого гроссмейстера. Очки также довольно часто выручали его, скрывая от посторонних неуверенность и робость взгляда. Он сетовал на свои губы, которым свойственно было растягиваться в жалкой улыбочке или вздрагивать. Он охотно закрыл бы от посторонних глаз свои губы, но это, к сожалению, пока не было принято в обществе.

Игра Г.О. поражала и огорчала гроссмейстера. На левом фланге фигуры столпились таким образом, что образовался клубок шарлатанских каббалистических знаков. Весь левый фланг пропах уборной и хлоркой, кислым запахом казармы, мокрыми тряпками на кухне, а также тянуло из раннего детства касторкой...

— Ведь вы гроссмейстер такой-то? — спросил Г.О.

— Да, — подтвердил гроссмейстер.

— Ха-ха-ха, какое совпадение! — воскликнул Г.О.

«Какое совпадение? О каком совпадении он говорит? Это что-то невыносимое! Могло ли такое случиться? Я отказываюсь, примите мой отказ», — панически быстро подумал гроссмейстер, потом догадался, в чем дело, и улыбнулся.

— Да, конечно, конечно.

— Вот вы гроссмейстер, а я вам ставлю вилку на ферзя и ладью, — сказал Г. О. Он поднял руку. Конь-provокатор повис над доской.

[...]

Пока конь висел над доской, перед глазами гроссмейстера вновь замелькали светящиеся линии и точки возможных предметовых рейдов и жертв. Увы, круп коня с отставшей грязно-лиловой байкой был так убедителен, что гроссмейстер пожал плечами.

— Отдаёте ладью? — спросил Г.О.

— Что поделаешь.

Жертвуете ладью ради атаки? Угадал? — спросил Г.О., все ещё не решаясь поставить коня на желанное поле.

— Просто спасаю ферзя, — пробормотал гроссмейстер.

— Вы меня не поддавливаете? — просил Г.О.

— Нет, что вы, вы сильный игрок.

Г.О. сделал свою заветную «вилку». Гроссмейстер спрятал ферзя в укромный угол за террасой, за полуразвалившейся каменной террасой с резными подгнившими столбиками, где осенью остро пахло прелыми кленовыми листьями. Здесь можно отсидеться в удобной позе, на корточках. Здесь хорошо; во всяком случае, самолюбие не страдает. На секунду привстав и выглянув из-за террасы, он увидел, что Г.О. снял ладью.

Внедрение чёрного коня в бессмысленную толпу на левом фланге, занятие им поля b4, во всяком случае, уже наводило на размышления. Гроссмейстер понял, что в этом варианте, в этот весенний зелёный вечер одних только юношеских мифов ему не хватит. Все это верно, в мире бродят славные дурачки — юнги Билли, ковбои Гарри, красавицы Мэри и Нелли, и бригантина поднимает паруса, но наступает момент, когда вы чувствуете опасную и реальную близость чёрного коня на поле b4. Предстояла борьба, сложная, тонкая, увлекательная, расчётливая. Впереди была жизнь.

Гроссмейстер выиграл пешку, достал платок и высморкался. Несколько мгновений в полном одиночестве, когда губы и нос скрыты платком, настроили его на банально-философский лад. «Вот так добиваешься чего-нибудь, — думал он, — а что дальше? Всю жизнь добиваешься чего-нибудь; приходит к тебе победа, а радости от нее нет. Вот, например, город Гонконг, далёкий и весьма загадочный, а я в нем уже был. Я везде уже был».

Потеря пешки мало огорчила Г.О., ведь он только что выиграл ладью. Он ответил гроссмейстеру ходом ферзя, вызвавшим изжогу и минутный приступ головной боли.

Гроссмейстер сообразил, что кое-какие радости ещё остались у него в запасе. Например, радость длинных, по всей диагонали, ходов слона. Если чуть волочить слона по доске, то это в какой-то мере заменит стремительное скольжение на ялике по солнечной, чуть-чуть зацветшей воде подмосковного пруда, из света в тень, из тени в свет. Гроссмейстер почувствовал непреодолимое, страстное желание захватить поле h8, ибо оно было полем любви, бугорком любви, над которым висели прозрачные стрекозы.

— Ловко вы у меня отыграли ладью, а я прохлопал, — пробасил Г.О., лишь последним словом выдав своё раздражение.

— Простите, — тихо сказал гроссмейстер. — Может быть, вернёте ходы?

— Нет-нет, — сказал Г.О., — никаких поблажек, очень вас умоляю.

«Дам кинжал, дам коня, дам винтовку свою...» — затянул он, погружаясь в стратегические размышления.

Бурный летний праздник любви на поле h8 радовал и вместе с тем тревожил гроссмейстера. Он чувствовал, что вскоре в центре произойдёт накопление внешне логичных, но внутренне абсурдных сил. Опять послышится какофония и запахнет хлоркой, как в тех далёких проклятой памяти коридорах на левом фланге.

— Вот интересно: почему все шахматисты — евреи? — спросил Г.О.

— Почему же все? — сказал гроссмейстер. — Вот я, например, не еврей.

— Правда? — удивился Г.О. и добавил: — Да вы не думайте, я это так. У меня никаких предрассудков на этот счет нет. Просто любопытно.

— Ну, вот вы, например, — сказал гроссмейстер, — ведь вы не еврей.

— Где уж мне! — пробормотал Г.О. и снова погрузился в свои секретные планы.

«Если я его так, то он меня так, — думал Г.О. — Если я сниму здесь, он снимет там, потом я хожу сюда, он отвечает так... Все равно я его добыю, все равно доломаю. Подумаешь, гроссмейстер-блатмейстер, жила ещё у тебя тонкая против меня. Знаю я ваши чемпионаты: договариваетесь заранее. Все равно я тебя задавлю, хоть кровь из носа!»

— Да-а, качество я потерял, — сказал он гроссмейстеру, — но ничего, ещё не вечер.

Он начал атаку в центре, и, конечно, как и предполагалось, центр сразу превратился в поле бессмысленных и ужасных действий. Это была не-любовь, не-встреча, не-надежда, не-привет, не-жизнь. Гриппозный озноб и опять жёлтый снег, послевоенный неуют, все тело чешется. Чёрный ферзь в центре каркал, как

влюблённая ворона, воронья любовь, кроме того, у соседей скребли ножом оловянную миску. Ничто так определённо не доказывало бессмысленность и призрачность жизни, как эта позиция в центре. Пора кончать игру.

«Нет, — подумал гроссмейстер, — ведь есть ещё кое-что, кроме этого». Он поставил большую бобину с фортепьянными пьесами Баха, успокоил сердце чистыми и однообразными, как плеск волн, звуками, потом вышел из дачи и пошел к морю. Над ним шумели сосны, а под босыми ногами был скользкий и пружинящий хвойный наст.

Вспоминая море и подражая ему, он начал разбираться в позиции, гармонизировать её. На душе вдруг стало чисто и светло. Логично, как баховская сода, наступил мат чёрным. Матовая ситуация тускло и красиво засветилась, завершённая, как яйцо. Гроссмейстер посмотрел на Г. О. Тот молчал, набычившись, глядя в самые глубокие тылы гроссмейстера. Мата своему королю он не заметил. Гроссмейстер молчал, боясь нарушить очарование этой минуты.

— Шах, — тихо и осторожно сказал Г.О., двигая своего коня. Он еле сдерживал внутренний рёв.

...Гроссмейстер вскрикнул и бросился бежать. За ним, топоча и свистя, побежали хозяин дачи, кучер Еврипид и Нина Кузьминична. Обгоняя их, настигала гроссмейстера спущенная с цепи собака Ночка.

— Шах, — ещё раз сказал Г.О., переставляя своего коня, и с мучительным вожделием глотнул воздух.

...Гроссмейстера вели по проходу среди затихшей толпы. Идущий сзади чуть касался его спины каким-то твёрдым предметом. Человек в черной шинели с эсэсовскими молниями на петлицах ждал его впереди. Шаг — полсекунды, ещё шаг — секунда, ещё шаг — полторы, ещё шаг — две... Ступеньки вверх. Почему вверх? Такие вещи следует делать в яме. Нужно быть мужественным. Это обязательно? Сколько времени занимает надевание на голову вонючего мешка из рогожи? Итак, стало совсем темно и трудно дышать, и только где-то очень далеко оркестр бравурно играл «Хас-Булат удалой».

— Мат! — как медная труба, вскрикнул Г.О.

— Ну, вот видите, — пробормотал гроссмейстер, — поздравляю!

— Уф, — сказал Г.О., — уф, ух, прямо запарился, прямо невероятно, надо же, черт возьми! Невероятно, залепил мат гроссмейстеру! Невероятно, но факт! — захохотал он. — Аи да я! — Он шутиливо погладил себя по голове. — Эх, гроссмейстер вы мой, гроссмейстер, — жаждал он, положил ладони на плечи гроссмейстера и дружески нажал, — милый вы мой молодой человек... Нервишки не выдержали, да? Сознайтесь!

— Да-да, я сорвался, — торопливо подтвердил гроссмейстер. Г.О. широким, свободным жестом смел фигуры с доски.

Доска была старая, щербленая, кое-где имелись фрагменты круглых пятен от поставленных в былые времена стаканов железнодорожного чая. Гроссмейстер смотрел на пустую доску, на шестьдесят четыре абсолютно бесстрастных поля, способных вместить не только его собственную жизнь, но бесконечное число жизней, и это бесконечное чередование светлых и темных полей наполнило его благоговением и тихой радостью. «Кажется, — подумал он, — никаких крупных подлостей в своей жизни я не совершил».

— А ведь так вот расскажешь, и никто не поверит, — огорчённо вздохнул Г.О.

— Почему же не поверят? Что же в этом невероятного? Вы сильный, волевой игрок, — сказал гроссмейстер.

— Никто не поверит, — повторил Г.О., — скажут, что брешу. Какие у меня доказательства?

— Позвольте, — чуть обиделся гроссмейстер, глядя на розовый крутой лоб Г.О., — я дам вам убедительное доказательство. Я знал, что я вас встречу.

Он открыл свой портфель и вынул оттуда крупный, с ладонь величиной, золотой жетон, на котором было красиво выгравировано: «Податель сего выиграл у меня партию в шахматы. Гроссмейстер такой-то».

— Остается только поставить число, — сказал он, извлёк из портфеля гравировальные принадлежности и красиво выгравировал число в углу жетона. — Это чистое золото, — сказал он, вручая жетон.

— Без обмана? — спросил Г.О.

— Абсолютно чистое золото, — сказал гроссмейстер. — Я заказал уже много таких жетонов и постоянно буду пополнять запасы.

1.2. 2.2. Прочитайте стихотворение Е. Евтушенко «Молитва перед поэмой». Дайте целостный анализ стихотворения с учетом проблемного вопроса: какую роль в нём играют социокультурные отсылки и интертекстуальность? (Примерный рекомендуемый объем – 400 слов). Максимальный балл - 70.

Поэт в России — больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться

лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него.

Сумею ли? Культуры не хватает...
Нахватанность пророчеств не сулит...
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.

И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жечь.

Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра —
лампада тайного добра.

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музыки твоей —
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Дай, Пастернак, смещение дней,
смещение веток,
сращение запахов, теней
с мученьем века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.

Есенин, дай на счастье нежность мне
к березкам и лугам, к зверью и людям
и ко всему другому на земле,
что мы с тобой так беззащитно любим.

Дай, Маяковский, мне
глыбастость,
буйство,
бас,
непримиримость грозную к подонкам,
чтоб смог и я,
сквозь время прорубясь,
сказать о нем
товарищам-потомкам...

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте небольшую статью.

Вечные образы - это литературные персонажи, получившие многократное воплощение в литературе разных стран и эпох, ставшие «сверхтипами»: Дон Жуан, Гамлет, Дон Кихот, Фауст и др. К ним относят также библейские, мифологические и легендарные персонажи (Прометей, Каин). Нередко в число вечных образов включают и тех персонажей, чьи имена стали нарицательными: Хлестаков, Плюшкин, Манилов.

Существуют и национальные варианты, обобщающие национальный тип: в Кармен видят прежде всего Испанию, а в бравом солдате Швейке — Чехию.

Использование литературных вечных образов предполагает воссоздание традиционной сюжетной ситуации и наделение персонажа присущими исходному образу чертами. Эти параллели могут быть прямыми или скрытыми. Тургенев в «Степном короле Лире» (1870) следует канве шекспировской трагедии, в то время как Н.С. Лесков в «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) предпочитает менее явные аналогии. Отсылка к вечным образам может быть непрямой: они не обязательно должны быть названы автором, связь образов должна быть установлена самим читателем.

Подумайте:

- в каком случае герой произведения становится «вечным образом»?
- можете ли Вы дополнить данный в статье список таких героев?
- охарактеризуйте подробнее **один из** «вечных образов»: когда он появился в литературе, какие черты для него характерны, почему стал «сверхтипом»?
- вспомните героев русской (или зарубежной литературы), которых можно отнести к персонажам, в которых есть отсылка к данному «вечному образу» (например, в русской литературе есть Дон Жуан А. Пушкина, А. Блока, Н. Гумилева, есть ряд героев, в которых есть черты Дон Жуана) и покажите, почему их можно отнести этому сверттипу, есть ли отличия от него.

Напишите эссе на 250-450 слов о выбранном Вами «вечном образе». В эссе рассмотрите указанные выше вопросы. Дайте эссе название.

Максимальный балл - 25.